

Журнал «Музыкальная жизнь», 2010, №2

Антон Сергеевич Абанович

«Младшие дирижёры»

Владимир Цыбин и Сергей Прокофьев

Сидят: В. Цыбин, С. Прокофьев, Н. Черепнин, А. Глазунов

В 2002 году издательство «SPRKfV» выпустило в свет «Дневник» всемирно известного русского композитора Сергея Сергеевича Прокофьева. В первой части этих мемуаров автор описывает консерваторский период своей жизни. Сергей Прокофьев был тогда совсем ещё юным и временами чуть романтически настроенным молодым человеком. Но это не мешало ему давать в своём личном дневнике

хлёсткие, часто достаточно нелицеприятные характеристики большому числу знакомых и даже малознакомых людей. Прокофьев всегда именно со своей точки зрения интерпретировал те или иные события или поступки.

В частности, в период с 1912 по 1914 год им неоднократно в разных контекстах упоминается имя Владимира Николаевича Цыбина (1877-1949), впоследствии знаменитого русского и советского флейтиста.

Как же так получилось, что Владимир Цыбин, несмотря на четырнадцатилетнюю разницу в возрасте, на протяжении пяти лет был сокурсником молодого Сергея Прокофьева? Дело в том, что Цыбин с 1907 года, переехав из Москвы, служил солистом оркестра столичного Мариинского театра¹. Это место службы стало вершиной исполнительской карьеры музыканта, но не пределом его творческих устремлений. В тот период Цыбин страстно желал стать дирижёром и композитором, отчётливо понимая, что ему катастрофически не хватает теоретических знаний. Однако плотный рабочий график не дал ему сразу возможности продолжить академическое дирижёрско – композиторское образование. Наконец осенью 1909 года 34 летний музыкант решился и поступил в Санкт-Петербургскую Консерваторию в классы теории композиции и дирижирования. Его преподавателями по теории композиции был А.Лядов, а по дирижированию Н.Черепнин.

Самым важным аспектом профессиональной деятельности, по которому постоянно сравнивали Цыбина и Прокофьева, являлась степень владения ими искусством управления оркестром. Готовили на дирижёров в СПб Консерватории в дореволюционную эпоху основательно. На протяжении последних лет обучения ученики, называясь «младшими дирижёрами», серьёзно и кропотливо занимались в классе с профессорами, получали постоянную практику, дирижируя консерваторским студенческим оркестром. В «Дневнике» Прокофьева можно проследить практически весь

¹ Своё первое высшее музыкальное образование как флейтист Цыбин пытался получить в Московской консерватории в 1889 – 1895 годах. Но так как ему приходилось много работать, то доучиться не удалось. Директор Московской консерватории Сафонов, у которого студент Цыбин просил разрешение на сдачу экзаменов досрочно, ответил ему так: «<...> ты можешь выйти из Консерватории, так как ты не посещаешь уроков, а на флейте ты достаточно хорошо играешь, поэтому тебе незачем быть в Консерватории, а полный курс флейты ты можешь закончить на дому у профессора Кречмана и держать экзамен от себя (экстерном)».

ход процесса учёбы. Так Сергей Сергеевич в период с декабря 1912 года по май 1914 года подготовил и исполнил с оркестром и вокалистами следующие произведения: оперу «Пиковая дама» Чайковского, одну из симфоний Гайдна, «Концерштюк» Вебера, «Чухонскую фантазию» и «Казачка» Даргомыжского, оперу «Фальстаф» Верди, седьмую симфонию и Скрипичный концерт Бетховена, Фортепианный концерт №2 Листа, оперу «Аида» Верди, оперу «Свадьба Фигаро» Моцарта, «Шествие» Щербачёва, и свой Первый концерт для фортепиано с оркестром. Цыбин же, что следует из того же «Дневника» Прокофьева, за этот период подготовил и продирижировал: вступление к опере «Руфь» Ипполитова-Иванова, оперу «Риголетто» Верди, оперу «Волшебная флейта» Моцарта, танцы из оперы «Русалка» и «Ночевала тучка золотая» Даргомыжского, увертюру к опере «Моряк-скиталец» («Летучий голландец») Вагнера, увертюру к опере «Эвриант» Вебера, оперу «Свадьба Фигаро» Моцарта, «Магдал» Ясина и свою дипломную Симфонию E-dur.

Как видно из дневниковых записей Прокофьева, его постоянно сравнивали с Цыбиным (так как они одновременно заканчивали курс по дирижёрскому классу) и далеко не всегда эти сравнения были в пользу Прокофьева. Ему, человеку острого ума и большого самомнения, такие критические высказывания были явно неприятны, и он довольно часто язвительно и безапелляционно отзывался в своих личных дневниках о «конкуренте», отношение Прокофьева к дирижёрским способностям Цыбина было явно негативным. Причём замечания эти носили перманентный характер и записывались Прокофьевым из года в год.

Вот, для примера, несколько последовательных высказываний Прокофьева о Цыбине-дирижёре конца 1912 года: «Цыбин дирижировал увертюру к “Руфи” оркестр овацировал ему. За что? “Руфь” так легка, что собака её может продирижировать хвостом» (8 декабря); «Цыбину за “Руфь” попало» (10 декабря); «Цыбинская “Руфь” прошла хорошо и вызвала успех по отношению к сапожническому автору. Цыбин машет пластично, но чрезмерно широко» (17 декабря).

Такого рода высказывания присутствуют в личных дневниках

Прокофьева и в следующем 1913 году: «Цыбину за трио “Ночевала тучка золотая” был целый скандал, да и вообще он дирижирует совсем нехорошо» (8 февраля); «Сегодня в девять часов была репетиция. <...> Черепнинские вещи тоже идут хорошо. Цыбинские – так себе» (9 февраля).

Впрочем, осенью того же 1913 года Прокофьев, помимо обязательного неудовольствия дирижёрскими талантами Цыбина, вынужден был отметить не без удивления также и неожиданный для себя зрительский успех Цыбина у публики: «Во втором отделении соединили малый оркестр с большим, образовалось целое море музыкантов. Цыбин дирижировал “Эврианту”. Это не трудно; впрочем, “Эврианта” сошла отлично и имела большой успех. Цыбина вызывали несколько раз. <...> Увертюрой к “Моряку-скиталльцу”, сыгранной под управлением Цыбина закончился концерт».

Произошли эти события 14 ноября 1913 года на концерте учащихся консерватории. На следующий день в одной из Петербургских газет появилась следующая рецензия: «На состоявшемся вчера в театре консерватории концерте учеников СПб консерватории были фактически представлены лишь два класса: оркестровый, или так называемый “дирижёрский” класс профессора Черепнина и фортепианный класс проф. Ляпунова. <...> Концерт открылся седьмой симфонией Бетховена. Дирижировавший ею ученик Прокофьев не обнаружил сколько-нибудь серьёзных дирижёрских данных, о которых стоило бы говорить. Так “отмахать” эту симфонию может, в сущности, каждый сведущий музыкант, а г. Прокофьев не только сведущий, но и талантливый музыкант, ярко себя проявивший в композиции. Отрицательные дирижёрские качества Прокофьева особенно рельефно подчеркнуты положительными качествами другого ученика г. Цыбина. Можно сказать, что второй обладает всеми данными, отсутствующими у первого: темпераментом, ритмическим чувством, пониманием динамических оттенков, настоящим дирижёрским взмахом и умением вести оркестровую армию за собой. Г. Цыбину, с большим успехом проведшему наизусть увертюры к операм “Эврианта” Вебера и “Моряк-Скиталец” Вагнера можно предсказать при дальнейшей

правильной работе вероятный успех на дирижёрском поприще».

Так же хочется отдельно выделить в этой статье пассаж на «вечную» оркестровую тему: «Консерваторский оркестр обнаружил несомненную склонность к фальши и “анархии”. Особенно это относится к медной группе. Руководителю оркестра г. Черепнину следует обратить на это обстоятельство серьёзное внимание».

И на следующий же день 15 ноября Сергей Прокофьев не преминул отметить в своём дневнике появление подобного рода статей: «<...> Пока же я купил газеты и стал смотреть, нет ли чего про вчерашнее. “Петербургский листок”: не очень похвалил меня, зато одобрил Цыбина; “Петербургская газета” и “День” просто выругали меня, зато похвалили Цыпу. Сначала мне стало досадно; потом смешно; потом я представил, как возлорадствует всякий консерваторский балласт – и разозлился; потом мне стало просто весело и, сделав прогулку, я пришёл в Консерваторию».

Но как видно далее из дневника Прокофьева, Сергей Сергеевич мало прислушивался к критическим замечаниям и совершенно не собирался менять с течением времени своего мнения о Цыбине-дирижёре: «Репетировали в Большом зале, и пока Цыбии делал “Риголетто”, было мучительно скучно» (12 декабря 1913 года); «Ходил в Консерваторию – посмотреть, что делается. Зашёл на минутку в оперный класс. Там всё шло своим чередом и Цыбин усердно махал» (17 февраля 1914 года). И наконец: «Цыбин дирижёр ничего, но мне он не нравится» (29 марта 1914 года).

Наконец 11 мая 1914 года в Консерватории состоялся публичный акт по классу композиции и дирижирования (то есть, как сейчас говорят выпускной экзамен). Собственно, к этому самому главному экзамену все «младшие» дирижёры и готовились на протяжении нескольких лет. Сергей Прокофьев верен себе и даже в столь ответственный момент своей карьеры продолжает упражняться в колкостях в адрес сокурсника Цыбина: «<...> Черепнин очень нервничал, со всеми ругался и только со мною мил. Очень недоволен Цыбиным, говорит, что, к сожалению, всё, что я говорил про Цыбина, верно и он не дирижёр, ибо одних рук мало, чтобы быть

дирижёром» (8 мая); «Перед актом я всё-таки нервничал. <...> Вскоре наступила и моя очередь, я волновался очень немного. <...> Я встречаю Мясковского, Саминского, Розенштейна – все хвалят. С последним словесная схватка, ибо он хвалит дирижёра Цыбина и ругает Черепнина» (11 мая).

Прокофьев довольно бестактно отзывается и об экзаменационном произведении Цыбина-композитора: «Генеральная репетиция. <...> Симфония Цыбина также скромна и незначительна, как и сам автор» (10 мая). Но если сравнить это утверждение с другими источниками, картина получается не столь однозначной: «Вчера днем состоялся публичный акт консерватории, открывшийся по обычаю чтением отчета за минувший год. Первое отделение заняли композиции окончивших по теории музыки. Выдержанно по форме и мелодично написана 1-я часть симфонии E-dur г. Цыбина (кл. проф. Лядова)»².

Следует отметить и несколько других достаточно ценных для исследователей творческой биографии Цыбина заметок Прокофьева. 20 января 1913 года он пишет: «Цыбина вовсе нет, он надеялся на дебют в балетном дирижировании Мариинского театра, но дебют не получился, и он огорчился». Таким образом можно точно определить, что уже с конца 1912 – начала 1913 годов Владимир Николаевич Цыбин вёл переговоры с дирекцией Мариинки о возможности своей службы там не только в качестве солиста-флейтиста, но и дирижёра балетного состава оркестра театра. Ранее это не было доподлинно известно.

15 декабря 1913 года Прокофьев через своё восприятие момента живо описывает другое важное в карьере Цыбина событие: «<...> Во время “Риголетто” [которым в этот момент дирижировал как раз Цыбин – А.А.] было скучно, но в антракте появился Штейман, а затем в артистическую пришёл Теляковский, сопровождаемый Глазуновым, Габелем, Черепниным. Я в это время стоял за кулисами. Глазунов подошёл ко мне и сказал:

– Пойдёмте, я вас представлю Теляковскому.

Я пошёл за Глазуновым, и во время представления с долею

² Из газет тех времён.

любопытства рассматривал Теляковского. Это настоящий потёртый чинарь, малоинтересный, но знающий себе цену. Велели позвать Цыбина и Черепнин любезно его отрекомендовал, упомянув, как он из рядовых оркестровых музыкантов выбился в дирижёры. <...> Для Цыпы представление Теляковскому было целым событием: человек всю жизнь скромно просвистал на флейточке в Мариинском театре – и вдруг быть представленным... Кому?... Самому Его Превосходительству Директору Императорских Театров!». Заметьте, как в этой цитате сквозит несколько снисходительное отношение «гениев» Черепнина и Прокофьева к простому оркестранту Цыбину.

А каковы же были личные отношения Прокофьева и Цыбина³? Дружескими они явно не были, но и неприятельскими, несмотря на весь сарказм Прокофьева, их назвать тоже нельзя. Между ними случались разного рода ситуации. 22 ноября 1913 года Прокофьев записывает в своём дневнике: «был у меня Цыбин, он снимает на лето сезон в Ростове ли, в Баку ли – по этому случаю забрал у меня 14 штук всяких партитур». То есть отношения между ними в этот момент были настолько доверительными, что Цыбин позволяет себе просить у Прокофьева разрешения воспользоваться в своих целях частью его личной нотной библиотеки (а партитуры тогда стоили очень и очень недёшево), а Прокофьев, со своей стороны, не находит резоннов ему в этом отказать. Дальше – больше.

17 декабря 1913 года Прокофьев продирижировал последним, третьим учебным спектаклем в консерваторском театре: «Итак, “Аида” с плеч долой, провёл я всю работу прилично, - и мне стало страшно весело. Собрались в “Вену” ужинать <...> Поехали: Цыбин, Крейслер, Твордовский и я. Я был великолепно настроен. Мы весело заняли столик. <...> Ели блины, пили вино и ликеры. Цыбин без усталости рассказывал грязненькие анекдоты. Провозгласили за меня тост, но за меня-композитора, а не меня-дирижёра (умышленно). Крейслер поднял стакан за Цыбина, а я за младших дирижёров. В три часа, продолжая болтать

³ Из Дневника Прокофьева: «Я ничего не имею против Цыбина <...>» (5 декабря 1912 года).

анекдоты, пошли домой. Я по гололедице поскользнулся и упал. Они хохотали и взяли меня под руки, хотя упал совсем не от ликёров. “С.С., мы вам поможем”. Да я совсем не потому упал. “Но мы вам все-таки поможем”». Как видите, Прокофьев совершенно очаровательно проводил время в одной компании с намного более старшим Цыбиным.

Но, в другой ситуации, 15 марта 1914 года, реакция Прокофьева была резко недружелюбной: «Вчера Цыбин сказал мне, что в день, когда назначен его третий спектакль, он занят и потому просит меня поменяться с ним и отдать ему второй спектакль. Я сказал, что не согласен и посоветовал ему устроиться иным путём. Сегодня Черепнин обратился ко мне и сказал, что, конечно, вторым спектаклем должен дирижировать я, но если Цыбин не может, то придётся обратиться к моему великодушию. Я остался этим очень недоволен и сказал, что мне было бы крайне неприятно, если бы обратились к моему великодушию. В самом деле, свинство, уже довольно, что отняли первый спектакль - и я второго не уступлю, а если Черепнин настаивает, то не буду дирижировать вовсе».

Как видно из последнего высказывания, отношения учеников с профессурой носили непростой характер. Случались и конфликты «младших» дирижёров с их непосредственным руководителем эмоциональным и вспыльчивым Николаем Николаевичем Черепниным (который, кстати, был всего на четыре года старше Цыбина). Одна серьезная размолвка с профессором произошла в декабре 1913 года, причём как у молодого горячего Прокофьева, так и у, как это ни странно, скромного и тихого Цыбина. Читаем «Дневник» Сергея Сергеевича: «<...> Цыбин сообщает, что у него с Черепниным полнейший разрыв, настолько серьёзный, что Цыбин, пожалуй, уйдёт из класса. Начали репетицию с “Риголетто”. <...> Не знаю, как Черепнин с Цыбиным, но на меня определённно дуется» (5 декабря); «<...> В два часа в Малом зале репетиция второго состава с оркестром. <...> Черепнин теперь принимает участие в репетиции и кое-чем мне помогает. Отношения, впрочем, с обеих сторон сухие и официальные. Когда начал дирижировать Цыбин, Черепнин встал и ушёл» (11 декабря). А причиной данного конфликта был всего

лишь небольшой спор о методах организации творческого процесса на репетициях «Аиды» и «Риголетто», когда конфликтующие стороны позволили себе несколько острых выпадов. Впрочем, вскоре ситуация счастливо уладилась: «<...> Очевидно, Черепнин и Цыбин успели помириться <...>» (15 декабря 1913 года); «<...> днём у Черепнина проходили “Фигаро” и был в классе ансамбля. После ссоры Черепнина с Палечеком никто из дирижёров в оперный класс не ходит, и Палечек часто бывает без аккомпанемента, очень этим изводится. Нам же, т.е. Цыбину и мне, выгода от этой ссоры та, что очевидно, как только начнутся серьёзные репетиции с оркестром, то есть как только Черепнин должен будет войти в соприкосновение с Палечеком, так Черепнин постарается уклониться и оркестровая часть перейдёт в наши руки, я думаю мои, потому что Цыбин сегодня оскандалился в классе, не зная “Фигаро” [опять Сергей Сергеевич не преминул слегка поддеть «конкурента» - А.А.], кроме того, едва ли Цыбину дадут первый спектакль, а вся тяжесть в первом, второй ерунда. Вообще же Черепнин с Цыбиным милее, чем со мною (хотя вполне со мной любезен), но Цыбин после декабрьского инцидента очень просит прощения, а я вместо того затеял крючковатое объяснение» (31 января 1914 года).

Директор Консерватории Александр Константинович Глазунов так же отмечен в мемуарах героев этой статьи. Цыбин в своей большой автобиографии упомянул такой эпизод, произошедший с ним на вступительном экзамене: «Я приготовил к экзамену балетную сюиту из 3-х вариаций <...> но свою сюиту я отказался играть, так как <...> не было технической возможности. Глазунов взял ноты, посмотрел, сел за рояль и сыграл всю сюиту. Когда он окончил Коду, сказал, что я могу быть принят <...>».

У Прокофьева же с Глазуновым сложились более напряжённые отношения. Господин директор, как человек истинно классических взглядов на процесс музыкального сочинительства, не поощрял увлечение начинающего композитора Прокофьева модернизмом, что приводило к некоторому взаимному недоброжелательству. Из «Дневника» Прокофьева:

«Перед актом я всё-таки нервничал. Впрочем, я не боялся за исход. <...> Мой выход был приветствован дружными аплодисментами. Я играл Концерт с удовольствием, хотя несколько раз начинал волноваться, впрочем, не очень. Черепнин аккомпанировал хорошо. Концерт имел большой успех, я дважды выходил кланяться. Даже Глазунов и Арцыбушев были приличны и похлопали. <...> Иду в Малый зал сниматься. Глазунов облепляется девицами и не думает приглашать меня на почётное место как лауреата, но я образую новый ряд впереди и сажусь с Тимофеевой и Цыбиным. Съёмки тянутся очень долго. Мне очень весело, хотя я и не доволен Глазуновым. <...> Проходя мимо Глазунова, я кланяюсь и решительно говорю:

– До свидания, Александр Константинович.

К удивлению, он начинает мямлить мне какую-то любезность, которой я совсем не намерен был наслаждаться. Поэтому я быстро смял развивающееся вторичное прощание и ушёл».

Таким образом и закончилась в жизни Прокофьева и Цыбина короткая пора «младших» дирижёров. Они были полны честолюбивых планов и определённых надежд, но разразившаяся всего через несколько месяцев первая мировая война в Европе, а затем и революция в России заставили музыкантов резко изменить свою судьбу и приспособливаться к новым реалиям. А от благословенной консерваторской поры в архивах сохранилась их общая фотография, представленная в начале этой статьи, на которой запечатлены участники репетиционного процесса выпускных опер.